

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды
Пояс Ориона
Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Судьба по книге перемен

ТАТЬЯНА Устинова

Катя из Ватикана

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки серии «Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма»
Е. Фerez

Дизайн обложки серии «Татьяна Устинова. Первая среди лучших»
В. Лебедевой

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Каменя из Ватикана : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-168393-1

(Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-168394-8

(Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма)

Когда в одночасье вся жизнь переменялась: закрылись университеты, не идут спектакли, дети теперь учатся на удаленке, а из Москвы разрезаются те, кому есть куда ехать, Тонечка, деловая, бодрая и жизнерадостная сценаристка, и ее приемный сын Родион, страшный разгильдяй и недотепа, но еще и художник, оказываются вдвоем в милом городе Дождеве.

Однажды утром этот новый, еще не до конца обжитый, странный мир переворачивается — погибает соседка, пожилая особа, которую все за глаза звали «старой княгиней». И еще из Москвы приезжает Саша Шумакова — теперь новая подруга Тонечки.

От чего умерла «старая княгиня»? От сердечного приступа? Не похоже, слишком много деталей указывает на то, что она умирать вовсе не собиралась...

И почему на подруг и священника какие-то негодяи нападают прямо в храме?!

Местная полиция, впрочем, Тонечкины подозрения только высмеивает. Может, и правда она, знаменитая киносценаристка, зря все напридумывала?

Тонечка и Саша разгадают загадки, а Саша еще и ответит себе на сокровенный вопрос... и обретет любовь! Ведь жизнь продолжается.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168393-1

(Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-168394-8

(Татьяна Устинова: Богиня прайм-тайма)

© Устинова Т.В., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Проклятая маска норовила сползти с носа, приходилось то и дело ее поправлять. Нелепые завязки путались в волосах — медицинских масок на резинках нынче не достать. Пришлось купить самопальные — сложенную в несколько слоев марлю с притороченными веревочками.

Возле дома старой княгини маска совсем развязалась. Тонечка плюхнула на траву пакеты, размяла затекшие пальцы в синих резиновых перчатках и стала копать в волосах, пытаясь выудить из кудрей хлипкие завязки.

— Зараза!..

— Теть Тонь, вы чего?

— Ничего, — пропыхла Тонечка. — Маска свалилась, чтоб ее!..

Парень на велосипеде смотрел на нее малость свысока — ему понаехавшие москвичи в масках, перчатках и очках казались идиотами. У него самого маска была завязана на щетинистой шее — на тот случай, если менты или какие-нибудь рьяные дружинники прицепятся. А спортивные перчатки с полупальцами всегда при нем, сойдет!

И требования все выполнены! Маска — вот она, перчатки на месте.

— Может, подмогнуть, тетя Тонь?

— Да я пришла почти.

Она бы и согласилась, чтоб «подмогнул», но ее донельзя раздражало обращение «тетя Тоня» из уст ве-

ликовозрастного парня, у которого в плечах косая сажень и борода как у дьякона!.. Он работал водителем при больнице и подрабатывал извозом. Пару раз Тонечка ездила с ним в Тверь купить то, чего было не достать в Дождеве, — свежую клинскую колбасу, креветки, всякие излишества.

Тонечка зацепила маску за ухо и махнула парню:

— Езжай, Коль, спасибо!

Парень, нажав на педали, рванул с места, покатил и поднял велик на дыбы — как пить дать фасонил перед «тетей Тоней»!

Тонечка вздохнула.

Жизнь изменилась в одночасье, и привыкнуть к этой новой было сложно.

Принимаясь за пакеты, она кинула взгляд на дом старой княгини и замерла.

Старуха стояла возле окна — шторы она никогда не задергивала — и неотрывно смотрела на Тонечку.

— Добрый вечер, — пробормотала столичная сценаристка испуганно. Разумеется, неподвижная старуха за окном не могла ее слышать, и Тонечка решила на всякий случай поклониться.

Она произвела некое неловкое движение туловищем и даже попыталась шаркнуть ногой.

Старуха не шелохнулась.

Тонечка собрала ручки многочисленных пакетов и потащила дальше.

Следующий за старухиным участок пустовал, как видно, хозяева не смогли вырваться из зачумленной Москвы, а уж там и Тонечкин дом.

Она попой толкнула калитку, взволокла поклажу на высокое крыльцо, выхватила из кармана брызгалку, щедро обработала перчатки и ручки пакетов и наконец-то стянула маску.

...Вот как к ней привыкнуть, к этой новой реальности?!

Она почти разгрузила пакеты, когда со второго этажа скатился Родион, за ним припрыгало собакообразное насекомое с раскидистыми ушами и улыбкой на черной с подпалинами морде.

— Я же тебе сказал, что сам в магаз схожу! — с ходу начал атаку мальчишка. — Раз сказал, значит, сделал бы!..

— Чем ужинать будем?

— Мне папа велел, чтоб я за тобой смотрел! А как за тобой смотреть, если ты не слушаешься?!

— Ночь скоро, — миролюбиво заметила Тонечка. — А есть хочется уже сейчас. Смотри, на выбор макароны с сыром, гречка с котлетами, у меня фарш остался. Могу картошки с грибами нажарить, я замороженных опят купила.

— А что быстрее?

Тонечка усмехнулась. По всему видно, есть хотелось не ей одной.

— Все быстро! Я ловкая, ты же знаешь.

Родион посмотрел на мачеху.

Она правда была ловкой и... веселой. После детского дома, в котором он прожил, считай, десять лет, ему очень нравилось, что с родителями, с отцом и мачехой, всегда весело. Не то чтоб они то и дело представляли сценки или рассказывали анекдоты, но как-то так себя вели, что с ними было интересно и не страшно, что вот-вот поругаются и все кончится!..

Родион выбрал котлеты с макаронами, а Тонечка возразила, что раз котлеты, значит, с гречкой, и принялась за дело.

— А вкусного купила?

Вкусным считались ванильные сухари, обсыпанные сахаром, маковые сушки, мармелад — чем рези-

новой, тем лучше, — овсяное печенье, соломка и всякое такое.

Тонечка заверила, что купила, но до ужина ничего не даст, чтоб не перебил аппетит.

— Тоня, я же не маленький! — возмутился Родион. — Мне семнадцать будет!

— Даже когда тебе стукнет пятьдесят восемь, ты должен помнить, что набивать живот сладким вредно.

Она сама сейчас с удовольствием вместо гречки съела бы пирожное «Картошка» — две штуки — и запила тремя стаканами чаю, но никак нельзя. Во-первых, дурной пример для Родиона. Во-вторых, в магазин «Рублевочка» пирожных «Картошка» не завозят.

...Надо же было так назвать продуктовую лавку в центре города Дождев Тверской губернии! Прямо какой-то литератор называл, стилист!.. Тут тебе и намек на шикарную жизнь — Рублевка, не что-нибудь! — и на дешевизну — рублик, всего ничего! И звучит ласково.

Родион подхватил с пола собакообразное существо, которое выписывало вокруг них кренделя и вензеля, поцеловал в морду, немного смутился и пристроил свою худосочную задницу на столешницу, почти что в миску с фаршем.

— Куда ты сел, слезай сейчас же!..

— А старую княгиню зовут Лидия Ивановна, — сообщил Родион. — Она раньше в Москве жила, а теперь здесь, в Дождеве.

— Откуда ты знаешь?

— Сама сказала! Она сегодня опять на ручей ходила.

По невесть когда установленному неписаному закону жители всех трех домов вдоль ручья выходили к воде через Тонечкин участок. На берег вела узорная

чугунная калиточка, обычно закрытая на проволочный крючок. В заборах в самом дальнем конце участков тоже были калитки, вообще ни на что не закрытые, а всегда настежь распахнутые. Старая княгиня являлась дважды в день, Тонечка видела ее из окна. Она проходила вдалеке, не глядя по сторонам, некоторое время возилась с крючком, выходила к ручью и усаживалась на скамейку под березами. Сидеть там она могла сколько угодно, иногда час, а когда потеплело, то и дольше!

Родион то и дело бегал рисовать ручей, березы, траву, калитку, скамейку — он вообще или ел, или спал, или рисовал, засадить его за уроки не было никакой возможности, особенно сейчас, когда всех разогнали на удаленку.

— Она спросила, что я рисую, и я ей показал, она сказала — хорошо, — продолжал Родион. — И про Буську спросила, что за порода. Я сказал, что пражский крысарик, а она сказала, что Прага вообще загадочный город.

— Загадочный? — переспросила Тонечка машинально.

Она пыталась порезать огурец, но дело не двигалось — только она отрезала кружок, как Родион выхватывал его и съедал, смачно хрупая. Она бросила резать и сунула оставшиеся пол-огурца мальчишке. Родион помычал благодарственно.

— Тонь, а папа приедет?

— Кто его знает.

— И ты не знаешь?!

— У него же люди работают. То есть сейчас как раз не работают, вся работа остановлена. Ему нужно придумать, чем платить, где денег добыть. Пока не придумает, не приедет.

— А он придумает? — с тревогой спросил Родион.

Ему требовалось, чтоб Тонечка его успокоила. Как жить, если ни она, ни даже отец не знают, что дальше?..

— Придумает, — сказала Тонечка, все поняв. — Он очень умный. Садись, котлета готова. Ты собаку кормил?

Родион возмутился:

— Ты же знаешь, собаку я кормлю всегда в шесть часов!

...Это правда. Безалаберный мальчишка вполне мог проспять школу, завтрак, репетитора, онлайн-урок, но накормить свою собаку никогда не забывал.

— Еще она спросила, чей я, а я сказал, что Германов, — продолжал Родион, сгорбившись над котлетой. Он хватал куски, обжигался, выплевывал и дул на них.

— Веди себя прилично, — велела Тонечка. — Какой-то странный вопрос, чей! Ты же не собака!

— Ну-у, она так спросила: мальчик, ты чей? Я и сказал. Еще я хотел ей показать, как я ее нарисовал, но у меня альбомы в доме, завтра покажу.

— Ты ее тоже рисовал?

Родион покивал:

— Она такая красивая! И одета странно.

Тонечка все никак не могла привыкнуть, что ему нравится не то, что другим! Ему нравились покосившиеся заборы, букашки, лужа, припорошенная цветочной пылью, воробей, склевавший дождевого червяка, провалившиеся мостки у ручья. Вот старуха понравилась тоже...

Тонечка постоянно чувствовала тревогу. Ей казалось, что она должна... защищать и оберегать мальчишку. От всего. Человек, которому нравятся воробьи, собаки и старухи, сам себя защитит и уберечь не сможет...

Она подложила ему еще котлету, и он заглянул в сковородку, осталось или нет.

Оставалось три штуки, вот красота!

— А что к чаю?

— Вареная свекла с медом.

— Что, правда? — У Родиона вытянулось лицо.

Тонечка вздохнула.

— Лимонные дольки, халва, сушки и две разные шоколадки.

— С орехами?

— Одна с орехами.

Это было совсем другое дело, и Родион великодушно предложил поставить самовар.

Иногда они так развлекались по вечерам — пили чай из самовара. С ним приходилось довольно долго возиться, иногда он напрочь не желал растапливаться, капризничал, но к сегодняшнему пиру самовар был просто необходим, и Тонечка согласилась.

Она помыла посуду, прислушиваясь к тому, как мальчишка тюкает перед крыльцом топориком, пытаясь наколоть щепок, взглянула в окно, отвела глаза и посмотрела еще раз.

На соседний участок, который пустовал с самого начала карантина, вползал черный «Мерседес», ворота были распахнуты. Выходит, хозяева все же приехали.

Должно быть, хорошо, что приехали. С тех пор как всех разогнали по квартирам и дачам — на самоизоляцию! — Тонечка почти не видела людей, и к этому привыкнуть было даже труднее, чем к перчаткам и маске. С другой стороны, непонятно, вдруг они привезли из Москвы эту самую заразу, а общительный Родион то и дело забывал и про маску, и про перчатки. Здесь, среди тверских лесов и болот, никакой «особый режим» не объявляли, но Тонечка все равно беспокоилась — мало ли...

Она накинула на плечи облезлую жилетку из странного меха, именуемую в семье «позорный волк», и вышла на крыльцо. Родион прилаживал к самовару трубу, отворачивался от дыма, закрывался локтем, собака бегала вокруг, то и дело от восторга припадая на передние лапы.

...Как хорошо, подумала Тонечка, что она догадалась взять Родиону собаку!.. Они как-то сразу оказались вдвоем, вместе, парой! Вместе привыкали к московскому быту, вместе прилаживались к семье, вместе осознавали, что теперь есть и отец, и мать-мачеха, и брат, и сестра, и дед-генерал, и бабушка Марина!..

После детского дома в Угличе такие перемены давались нелегко, но вместе, вдвоем всегда проще и лучше!

Над дальним концом участка, над ручьем, висела низкая снеговая туча — даром что май на пороге! Нынче все смешалось, не стало ни зимы, ни весны, сплошное безвременье. Солнце из-за края тучи подсвечивало едва зазеленевшие березы, и свет был тревожный, беспокойный.

Родион наконец приладил трубу, из нее сразу повалил густой белый дым и хорошо запахло разогретой смолой.

Мальчишка игогокнул, понесся по лужайке, крошечная собака, как на стрекозиных крыльях, полетела за ним.

— Смотри, какое солнце! — прокричал Родион издалека. — Дай мне альбом, я нарисую быстро.

— Не дам, — отозвалась Тонечка с крыльца. — Ты проспишь самовар, и мы чаю не попьем!

...Хорошо, что участок есть! В московской квартире на этом самом карантине все бы с ума сошли.

Впрочем, большая часть детей осталась как раз в квартире — Настя и Даня уехать не смогли. Старый

дом никакими новинками современной техники оборудован не был, интернет еле шевелился. Тонечке, чтобы Родион хоть как-то учился на удаленке, приходилось мудрить, раздавать сигнал с телефона, метаться по комнатам, выискивая угол, где стабильный прием. Настя училась в театральном и с первого же дня карантина просиживала за компьютером днями и ночами — особенно занятно было наблюдать уроки по сценическому движению, когда Настя перед компьютером выделявала немыслимые па, а педагог из монитора оценивал, насколько удачно у нее получается. Даня бесконечно бубнил на суахили, писал и сдавал контрольные и курсовые — он в университете осваивал «басурманский язык», как формулировал его отец и по совместительству муж Тонечкиной матери Марины Тимофеевны.

Тонечка улыбнулась.

...Вообще в семейном древе Германов — Морозовых — Липницких легко заблудиться и пропасть!

Кто бы мог подумать еще два года назад!

Жили-были три девицы — бабушка Марина, дочка Тонечка и внучка Настя. Жили-поживали, добра никакого особенно не наживали, им это и в голову не приходило. В одночасье все изменилось. На их терем-теремок в Немчиновке надвинулись странные и невероятные события, и, главное, откуда-то появилась целая куча разных мужчин!.. Бабушка Марина вышла замуж за генерала Липницкого, который прибыл в ее жизнь вместе с сыном Даней. На Тонечке женился знаменитый продюсер Александр Герман, а потом нашелся его сын Родион, и в кроне семейного древа все ветви окончательно и бесповоротно запутались!..¹

¹ Об этом читайте в романах «Серьга Артемиды» и «Пояс Ориона».

Даня как-то сразу стал братом Насте, хотя его сестрой должна была считаться Тонечка, Родион через неделю после воссоединения с семьей стал называть Марину бабушкой, а генерала — дедом, хотя ни один, ни второй вообще не были ему родственниками!.. Детдомовского мальчишку благополучные и сытые московские дети старательно опекали, но... не слишком им интересовались. Они были от души заняты собой, своим образом жизни, друзьями, учебой. Александр Герман к появлению сына, о котором он шестнадцать лет ничего не знал, относился словно с изумлением.

Этот новый сын учился из рук вон плохо, в московской школе почти не тянул, зато постоянно рисовал — его комната как-то моментально превратилась в свалку из альбомов, тюбиков и банок с красками, карандашей, разрозненных листов александрийской бумаги, обрывков, клочков, яблочных огрызков, конфетных бумажек, невымытых кружек и мятой одежды. Вещи мальчишку вообще не интересовали.

Зато интересовала еда. Он безостановочно ел и, кажется, только худел — щеки у него совсем ввалились, еще длиннее стали тонкие, как щепки, руки, вытянулась и без того гусиная шея.

Самым главным его другом была собака Буся, и сразу следом за ней — Тонечка.

— Родька, смотри за самоваром! — крикнула Тонечка в сторону лужайки, по которой наперегонки носились мальчик и собака.

И посмотрела на соседний участок.

Машина стояла на плиточном пяточке перед домом, над крыльцом горела лампочка, свет ее терялся и таял в вечернем солнечном сиянии.

...Интересно, кто же это приехал?..

Дом в Дождеве принадлежал давно покойным родителям ее мужа, Тонечка раньше никогда здесь не

жила и соседей не знала. Величественную старуху, обитавшую через дом, они с Родионом называли старой княгиней, так ее окрестила Тонечка, а когда мальчишка спросил почему, приволокла ему первый том «Войны и мира». Родион моментально заскучал, стал оглядываться по сторонам и предложил помыть посуду. Тонечка два вечера убила на пересказ эпопеи своими словами, и только потом догадалась включить ему английский сериал.

В английском сериале всех главных героев играли молодые артисты, и Родион постепенно втянулся, но смотрел «Войну и мир» как неандерталец или англичанин — никакие нравственные проблемы его не волновали, зато интересовало, кого убьют, кто на ком женится и не разорится ли Пьер.

Состояние финансов Пьера казалось Родиону гораздо важнее, чем его масонские искания!..

После того как убили Петю Ростова, Родион наотрез отказался смотреть дальше, и Тонечке пришлось брать его измором, убеждая, что после все пойдет как нельзя лучше, и обещать в обмен на просмотр пирог с мясом.

Насилу одолели.

Оказывается, старую княгиню зовут Лидия Ивановна — вполне подходящее имя.

Тонечка зашла в дом, поставила на круглый стол чашки и «вкусное», о котором мечтал Родион, и позвонила мужу.

— Я занят, — сообщил телефон мужниным голосом, едва прекратились гудки. — Я на работе.

— Бог в помощь, — отозвалась Тонечка.

Родион втащил плюющийся кипятком самовар, водрузил его на подставку и спросил, как там папа.

Тонечка проинформировала, что папа на работе. Занят.

- А мы когда в Москву поедем?
- Когда карантин снимут.
- А когда карантин снимут?
- Как только болеть перестанут.
- А когда перестанут?
- Садись, — сказала Тонечка. — Тебе чай с мятой или так?

Они долго пили чай и смотрели дурацкое кино под названием «Бруклин». Родион его обожал, а Тонечка терпеть не могла, но считала нужным подлаживаться, чтоб мальчишка не чувствовал себя в одиночестве.

Разошлись поздно, и Тонечка долго еще не спала, все думала, как жить, когда кругом карантин, муж бесконечно занят и сердит, родители в группе риска, а дети брошены на произвол судьбы. И все из-за какого-то проклятого вируса!

Кто бы мог подумать еще три месяца назад! Кто мог предположить, что закроются магазины, кафе, химчистки, парикмахерские, а кое-где и дороги, что «Скорые» будут часами стоять в очередях, чтобы сдать заболевших в приемный покой, а патрули на улицах станут спрашивать пропуска и выписывать штрафы вышедшим без разрешения!..

— Вирус, — вслух сказала Тонечка, устав думать, — ты подложил нам колоссальную свинью!..

Заснула она под утро, и снилось ей нехорошее.

Алгебру-онлайн они, ясное дело, проспали, а математичка была не только бестолковой, но и вредной. Она уже не раз грозилась, что не аттестует Родиона, если тот не «подтянет предмет», а тут еще и проспали!..

Тонечка растолкала мальчишку только к третьему уроку, усадила перед ноутбуком, велела не качаться

на стуле, не чесаться, не рисовать, а слушать, налила ему кружку горячего чая и едва успела выскочить из кадра, когда урок начался. Третьим уроком была информатика, ее вел импозантный молодой учитель, а Тонечка с утра даже причесаться не успела!..

Дав себе слово каждый день ставить будильник на семь тридцать, как в Москве, — и без всяких поблажек! — она стала соображать, что бы такого приготовить на завтрак. Или уже ничего не готовить, а дожидаться обеда, когда у Родиона кончится вся эта онлайн-канитель?..

В обучение на удаленке Тонечка не верила ни секунды. Еще с того момента, когда все только началось. Должно быть, где-то есть дети, рвущиеся к знаниям, как Михайло Васильевич Ломоносов, готовые ради учения на все, твердо осознающие, что ученье — свет, а неученье — тьма, но ее собственный ребенок к таковым не имел никакого отношения. Он и в школе-то учился едва-едва, а уж дома совсем перестал, и не было никакой возможности заставить его слушать, записывать, вникать!.. Он сидел перед компьютером, из которого учителя толковали о квадратных корнях и бензольном кольце, и рисовал свои картинки, а собака устраивалась у него на коленях. Его жизнь была прекрасна! Если б от него еще отстали с этим дурацким сидением возле компьютера во время уроков, вообще был бы рай!

Тонечка вздохнула.

Повезло, что в этом году не нужно сдавать никаких экзаменов. Вот был бы цирк, если б им пришлось в городе Дождев готовиться к ЕГЭ!..

Она сварила кофе, взяла чашку и вышла на террасу. Старый дом одним крыльцом выходил в палисадник и на дорогу, а другим в сад и на лужайку. На террасе стояли ветхий овальный стол и пара плете-

ных кресел с продавленными подушками. Когда-то подушки были, должно быть, роскошными, крытыми желтым атласом с золотым отливом. Теперь ткань повитерлась, из нее в разные стороны торчали нитки, Родион сказал — очень красиво.

И Тонечка с ним согласилась.

На улице было солнечно и холодно, и, поставив чашку, Тонечка вернулась в дом за «позорным волком». Сверху что-то бубнил импозантный учитель информатики, Родиона не было слышно.

Она вернулась на террасу, уселась, отхлебнула кофе и зажмурилась от счастья.

...Вот так бывает?.. Кругом кризис, вирус, светопреставление, а она, Тонечка, в эту секунду чувствует себя настолько счастливой, что готова заплакать восторженными слезами!

«И, сладко плача, я ушел за бузину», — вспомнилось ей откуда-то.

Она вытянула ноги, запахнув плотнее пожитого «позорного волка», и неожиданно обнаружила на своем участке... человека!

Какая-то женщина, кажется молодая, вбежала в распахнутую калитку с соседнего участка и теперь мчалась по дорожке к дому.

Тонечка поднялась.

— Вы можете мне помочь? — выпалила женщина, немного не добежав до террасы. — У нас несчастье.

Тонечка сбежала с крыльца.

— Вы здесь живете? — лихорадочно продолжала незнакомка. — Вы кого-нибудь знаете? Кому можно позвонить?

— Да что случилось-то?!

— Бежим, — сказала женщина и припустилась по траве, сокращая расстояние.

Тонечка топала за ней.

— Я вчера только приехала, — на ходу говорила женщина. — Вечером уже. А сегодня вышла... И тут... Я не знаю, что делать... Я на тот участок сбегала, но там нет никого...

Тонечка вдруг всерьез забеспокоилась.

Сначала ей было просто любопытно, а тут стало тревожно.

Следом за женщиной она вбежала на соседний, в лопухах и одуванчиках, участок. Разросшийся куст сирени с головы до ног обдал ее водой — ночью прошел дождь.

— Сюда, сюда, — торопила женщина.

Они выскочили на лужайку, почти такую же, как у Тонечки. Когда-то здесь, видимо, хозяйничали и навели красоту, потому что посередине был сооружен некий холмик, напоминавший альпийскую горку, а рядом торчал деревенский колодец с воротом и двускатной крышей.

— Я вышла, — задыхаясь, говорила женщина, — и... вот... Я хотела помочь, а уже поздно... Что нам делать?

И тут Тонечка увидела.

На траве, в желтых одуванчиках, привалившись спиной к колодцу, сидела старая княгиня. Ноги в высоких башмаках на пуговицах были вытянуты, тяжелые руки лежали вдоль тела совершенно спокойно. Старая княгиня смотрела прямо перед собой, очень строго.

— Она что? — шепотом спросила Тонечка, хотя все было ясно. — Умерла?

Женщина покивала.

— Я хотела ее поднять, — тоже шепотом сказала она, — нагнулась, а она вся... холодная уже.

Тонечка присела и дотронулась до руки старой княгини. Рука и впрямь была холодная и влажная — в росе.

— И что теперь делать? — продолжала женщина. — Куда-то же надо звонить! Только куда? И кто это? Откуда она взялась? Я вчера приехала, ее не было!

— Это Лидия Ивановна, соседка с той стороны. — Тонечка поднялась. Губы у нее дрожали, так было жалко старуху! — Она каждый день через нас ходит на ручей, на лавочке сидит...

— Она одна живет?

— Я не знаю, — Тонечка глубоко вздохнула, прогоняя ненужные слезы. — Наверное, мы должны к ней домой сходить для начала...

— А... она? — Женщина кивнула на старую княгиню. — Тут останется? Нехорошо как-то.

— Нехорошо, — согласилась Тонечка. — Я сбегая, а ты постой рядом с ней, ладно? Как тебя зовут?

— Александра, — спохватилась собеседница. — Саша Шумакова.

— А я Антонина Герман. Я сейчас, быстро!

Участок старой княгини весь зарос жасмином, сиренью и лопухами. Давно не кошенная трава полегла от дождя, на дорожках стояли лужи.

Тонечка взбежала на крыльцо и позвала:

— Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался.

Дверь была открыта, и Тонечка вошла.

В доме пахло старым деревом, мирно тикали часы и капала из крана вода.

— Здравствуйте! — прокричала Тонечка. — Здесь есть кто-нибудь?

Было понятно, что в доме никого нет, но от растерянности она еще прокричала и постояла, прислушиваясь.

Часы засипели, внутри шелкнуло, и они начали бить. Взблескивал медный маятник.

Тонечка прикрыла за собой дверь и вернулась к соседке.

— Нет там никого, — сообщила она, стараясь не смотреть на старуху. — Я что-то тоже не могу сообразить, что нам делать. Главное, она вчера была жива и здорова, я ее видела, она на меня в окно смотрела! А Родион с ней разговаривал! Родион — это наш сын.

Саша Шумакова покивала.

...В разного рода передрыгах у Тонечки всегда был один и тот же план действий. Она звонила мужу, тот говорил, что следует сделать, и дальше все как-то решалось.

Словно само собой.

— Подожди, — сказала Тонечка соседке. — Я позвоню.

— Почему ты вчера вечером не отвечала? — осведомился муж, как только в трубке перестало гудеть. — Я раз пять звонил!

— Ты же знаешь, какая здесь связь.

— Так, — услышав ее, сказал муж совершенно другим тоном. — Что случилось, Тоня?

— Старуха, — выговорила Тонечка. — Лидия Ивановна, соседка, старая княгиня! Я тебе про нее рассказывала. Она умерла. Сидит возле колодца... совершенно мертвая.

— Так, — повторил муж. — Ты только не плачь, Тонечка.

— Я не могу. — Она всхлипнула. — Мне ее жалко. И мы не знаем, что теперь делать!

— Кто мы? Вы с Родионом?

— Нет, Родион в доме, он ничего не видел. Мы с Сашей Шумаковой.

Великий продюсер всех времен и народов Александр Герман не стал уточнять, кто такая Саша Шумакова и откуда она взялась. Ему нужно было срочно

избавить жену от переживаний — он терпеть не мог, когда она страдала, чувствовал себя виноватым и от этого злился на нее же.

— Я сейчас найду вашего участкового, — сказал он. — Вы ничего не трогайте, оставьте все как есть. Он придет и займется.

— Саш, — проскулила Тонечка. — Главное, она вчера на ручей ходила и разговаривала с Родионом, понимаешь?.. А сегодня умерла... возле колодца.

— Так бывает, Тоня. — И мимо трубки, совершенно другим голосом: — Найдите мне Славу Селиверстова, это мэр Дождева. Дождев — город в Тверской области.

И снова ласково, как ребенку, Тонечке:

— Ступай домой, оставь возле... бабуси эту Сашу Шумакову. И не страдай, слышишь, Тоня? А я в выходные постараюсь приехать. Как Родион?

Тонечка понимала, что это маневр и рассказывать про Родиона ей сейчас не нужно, поэтому пробормотала:

— Спасибо тебе, Саша. Как я соскучилась, знал бы ты.

— Я тоже соскучился, — признался он. — Живу, как дикий человек, без семьи, без детей!.. Ну все, у меня тут мэр нашелся. Я перезвоню.

Тонечка только успела отвести руку от уха, как муж уже перезвонил:

— И не ввязывайся ни во что! — велел он. — Особенно в уличные потасовки и детективные расследования! Лучше сценарий пиши!

Тонечка писала сценарии для сериалов и с точки зрения великого продюсера делала это очень медленно. Его бы воля, он бы ее заставил каждую неделю выдавать по сценарию!

— Ты поняла, Тонечка?

— Я все поняла, Сашечка.

...Разумеется, домой она не пойдет, останется с Сашей Шумаковой и мертвой старой княгиней ждать участкового!

— Ну что? — с тревогой спросила Саша. — Что нам делать?

Тонечка вздохнула:

— Велено ждать.

— Я так испугалась, — призналась Саша. — Я вообще-то не пугливая, а тут прямо... испугалась.

— Я понимаю.

— Главное, только приехала!.. Пока весь офис на карантин выпроводила, пока то, пока се... Люди боятся, у всех истерика, что дальше — никто не знает! Вот уехала, и тут!..

Тонечка опять вздохнула.

Они топтались в лопухах и одуванчиках, говорили приглушенно, на мертвую старуху не смотрели, и обе чувствовали неловкость от того, что в присутствии смерти говорят о пустяках.

Внезапно в высокой траве показались собачьи уши, и крохотная собака радостно помчалась к ним.

— Буся, стой! — перепугалась Тонечка. — Буська, кому я сказала! Родион, не ходи сюда! Забери собаку!

— Зачем? — И мальчишка вынырнул из-за кустов сирени. — А почему ты ушла?

— У тебя же уроки!

— Интернет повис! — И Родион изобразил руками победный жест. — Все выключилось! И света нету! Ура!..

Тонечка ринулась ему навстречу.

— Вернись домой, — приказала она. — Я сейчас приду.

— Да чего такое-то, Тонь?..

Вдруг маленькая собака заскулила, а потом зарычала, тихо, но грозно. Тонечка ни разу не слыша-

ла, чтоб пражский крысарик скулил, да и тьявал он редко!

— Буська, ты чего? — поразился Родион. — Ты на кого?..

— Родион, иди домой сейчас же!

Но куда там!.. Мальчишка помчался за собакой, подхватил ее на руки, прижал к себе и вдруг замер.

— Родион!..

— Она умерла, что ли?

— Да. Уходи отсюда.

— Да нет, не может быть. Я ей обещал рисунки показать.

Он подошел и наклонился над старой княгиней. Собака опять тихонько заскулила.

Тонечка взяла его за руку и повернула спиной. Он вырвался и присел перед старухой на корточки.

— Так не бывает, — сказал он совершенно спокойно, разглядывая лицо старой княгини.

— Меня зовут Саша Шумакова, — сказала соседка и взяла его за плечо. — А тебя?

— Родион Герман, — сообщил мальчишка.

На Сашу он даже не взглянул, продолжал рассматривать старуху.

— Почему она умерла? — строго спросил он у Тонечки.

— Мы не знаем. Может быть, с сердцем плохо стало.

— Или просто от старости, — предположила Саша.

— А вдруг она еще жива?

— Нет, Родион.

Тонечка не знала, как его отвлечь. И не знала, понимает ли он, что такое смерть.

— Ты вот что, — наконец придумала она. — Ты сбегай, пожалуйста, в поликлинику, скажи дежурной, что у нас соседка умерла, пусть они бригаду пришлют. Сможешь?.. Пойдем, я тебя провожу.

— Только я не знаю, где поликлиника.

— На той же улице, где наш магазин, чуть подальше. Такой зеленый длинный барак. Написано: «Поликлиника». Если они такими вопросами не занимаются, попроси дежурную позвонить в больницу или в «Скорую». Ты понял?

— Понял, понял.

— Наденешь перчатки и маску, — продолжала Тонечка. — И не снимай! И ничего там не трогай! И глаза не три!

— Тонь, а разве так бывает? Вчера человек был жив, а сегодня уже умер?

— Только так и бывает.

— Странно, — сказал Родион задумчиво. — Очень странно. И непонятно.

— Никто не понимает, — отозвалась Тонечка. — Вот ты Толстого не стал читать, а у него там про это много! Он тоже не понимал, как это. Саша, я сейчас вернусь.

Она заставила Родиона натянуть маску и перчатки — и он послушно надел все, как видно, думал о другом, — нацепила на собаку ошейник, всучила мальчишке поводок и проводила до калитки.

— Бегите.

...День получился странным и трудным.

Вначале пришел коренастый парнишка в форме, отрекомендовался участковым, поцокал языком над старой княгиней и стал спрашивать какую-то ерунду — кто нашел, когда, что сделал, куда пошел. Ерунду он старательно записывал, время от времени вздыхал и качал головой.

Потом прибежал Родион с собакой на руках, а следом за ними запыхавшаяся полная молодая женщина в дождевике, накинутом поверх белого халата. Женщина оказалась врачом из поликлиники, пользовавшая Лидию Ивановну.

Потом приковыляла выдавшая виды «Газель» с красными крестами на боках. Из нее вышли санитары, вытащили жуткие серые носилки — как похоронные дроги. С водительского места выбрался тот самый Коля, который вчера гарцевал вокруг Тонечки на велосипеде. Вместе с санитарями он зашел на участок, посмотрел на старую княгиню, закурил и изрек что-то вроде:

— Вот жизнь...

— Главное, и больна-то не была ничем особенно, — с досадой сказала врачиха. — И болезней себе не выдумывала! Старики любят себе хвори сочинять, а Лидия Ивановна никогда!..

— Почему она умерла? — спросил Родион в который раз.

Врачиха развела руками:

— Мало ли. Может, инсульт. Или тромб оторвался.

— Родственники у нее есть? — спросила Тонечка.

— Да кто ж их знает, — отозвался участковый. — Жила одна, это точно могу сказать, иногда вроде племянник к ней наезжал, а там... не в курсе мы.

— Нужно родственников известить.

— Их еще сначала найти бы неплохо! — залихватски ответил участковый, которому нравились Тонечкины формы и кудри, хоть она и была старовата, лет тридцать пять, не меньше!.. А может, и все сорок, кто их знает, столичных!

Вторая, у которой на дворе старуха преставилась, была еще краше — высокая, джинсы в обтяг, грудь уверенная, сама быстрая, порывистая, э-эх!.. Но таких цац участковый побаивался и как будто не до конца верил в их существование. Таких по выходным показывали на НТВ в программе «Звезды взошли», у них то и дело крали бриллианты и детей, мужики их избивали, зато потом платили миллионные отступ-

ные, они были блогершами и актрисами. И еще певицами!.. Участковый считал себя человеком здравомыслящим и на такой дешевый развод не велся — ну, так люди не живут, это все специально выдуманно, чтоб народ отвлечь!.. Ну, чтоб народ не очень по пенсиям грустил, за детскими пособиями не ломился, за коммуналку исправно вносил и штрафы платил, а ему за все это по телику кралей показывают — груди, попы, бриллианты и как мужики их метелят!

Когда старую княгиню санитары принялись взолакивать на носилки, Тонечка почти насильно утащила Родиона домой. Саша Шумакова проводила их до крыльца — она тоже не хотела смотреть.

— У меня хлеб свежий есть, — проинформировала она и отвела глаза. — Московский! Масло сливочное и банка икры. Большая. Мне партнеры на Новый год привезли в подарок. А я так и не попробовала.

— Вот и прекрасно, — бодро откликнулась Тонечка. — Родион нам самовар поставит, как вчера. Сейчас все уедут, и станем... пировать.

На улице зафырчала «Газель», они прислушались.

— Должно быть, все, — заметила Тонечка. — Забрали.

Вскоре появился участковый.

— Просьбица у меня к вам, — сказал он, конфузясь. — Там Вячеслав Андреевич, мэр наш, сильно за покойницу переживает. Может, вы по-соседски у ней в доме посмотрите, вдруг какие бумажки остались, записки? Ну, чтоб мы родственников известили! Телефон у ней был, не знаете?

— Я не видела, — отозвалась Тонечка.

— Может, и телефон найдется. Я бы сам занялся, но мы все на усиление брошены. Дорогу в лесу сторожим.

— Зачем? — машинально спросила Тонечка.

Участковый вздохнул:

— Да ни за чем. По дури. Чтоб, стало быть, москвичи без пропусков через лес в Конаково не ехали. Через лес запрещено.

— Почему?

— Да говорю ж, по дури. Вы уж помогите по-соседски, лады? Посмотрите! Дверь потом замкните, а ключик у себя оставьте. Если чего найдете, звякните, вот номер мой!

— Хорошо, — согласилась Тонечка.

Отправляться в дом старой княгини ужасно не хотелось, но они с Сашей пошли.

Родион увязался за ними.

— В больнице у них интересно, — рассказывал он, пока они переходили с одного участка на другой. — Все старое, жуть! Полы провалились, потолки черные, пакля торчит. И такие скамейки деревянные в коридоре. Я там попа видел. Он на скамейке как раз сидел.

— Не попа, а батюшку, — поправила Тонечка.

Родион не обратил внимания.

— Тонь, если поп служит Богу, он что, не может его попросить, чтоб не болеть? И жить вечно?

Саша Шумакова оглянулась и посмотрела сначала на Родиона, а потом на Тонечку.

— Ну, поп ведь обычный человек. То есть батюшка, — поправилась Тонечка. — И не все его просьбы Бог исполняет. И не всегда.

— А зачем тогда работать попом? То есть батюшкой?

Тут теологический диспут закрылся сам собой — слава богу! — потому что они пришли в дом старой княгини.

— Как тут искать-то? — спросила Саша вполголоса и скинула у порога мокасины. — Мы ж не сыщики!..

— Посмотрим, может, правда найдем какие-нибудь записные книжки.

— Лучше б участковый сам искал.

— Ты же слышала. Он лес сторожит. От москвичей.

В доме было тихо, чисто и хорошо пахло — должно быть, княгиня любила свое жилище и ухаживала за ним. С заднего крылечка был вход на террасу, как и в Тонечкином доме. С террасы наполовину застекленная дверь вела в большую, на четыре окна, комнату.

— Есть кто? — на всякий случай крикнула Тонечка. — Соседи пришли!

Конечно, никто не отозвался. Только тикали по-прежнему часы и где-то мерно капала вода.

В комнате было полутемно — когда утром Тонечка сюда забегала, не обратила внимания, что на всех окнах задернуты занавески.

— Где мы будем искать? — спросила Саша.

— Я предлагаю по верхам посмотреть, и все, — решительно сказала Тонечка. — На столе, в прихожей, на этажерке. Подожди, я шторы раздвину.

Мебель в комнате была старинная — жесткие стулья, круглый стол на одной ноге, этажерка с полированными шишечками. На пузатом комоде кружевная вязанная крючком салфеточка. На салфетке черно-белая фотография пузатого мальчугана в трусах и панаме.

— Как ты думаешь, это родственник? — спросила Тонечку Саша. — Наверное, нужно из рамки вынуть и посмотреть, вдруг там что-нибудь написано, да?

Тонечка покивала.

Родион стоял в дверях с собакой на руках. Вид у обоих был настроенный.

Кругом был образцовый порядок, только на диване все подушки раскиданы, одна даже свалилась на

пол. И скатерть на круглом столе сдвинута — один край свисал почти до пола. Тонечка вернула подушку на диван и поправила скатерть. На столе не было никакой посуды, кроме единственного блюдца, чисто вымытого.

В тесной кухоньке — Тонечка вошла и огляделась — тоже все в полном порядке.

— Она жила совершенно одна, — возвестила Тонечка из кухни, и голос ее странно отдался от стен, словно они понимали, что пришли чужие.

— Почему? — спросила возникшая в дверях Саша.

— Чашка одна, тарелка тоже одна. Ложка, вилка, нож — всего по одному.

— Как грустно, — сказала Саша. — Когда тарелка одна, и чашка тоже. И никому дела нет, жив ты или помер...

На кухонном столе стояла круглая коробка из-под печенья, в нее были аккуратно сложены лекарства. На подоконнике две книжки.

Тонечка посмотрела.

«Дмитрий Донской» из серии ЖЗЛ и толстый том Василия Розанова.

«Донской» был заложен высушенной веткой мимозы — вот как!..

— На фотографии ничего не написано, — сказала Саша, — ни года, ни места, ни имени. И телефона я не вижу.

— Может, у нее и не было.

— Вряд ли, Тоня. Ей все же не сто лет было!.. И жила одна, мало ли, может, врачу позвонить.

Тонечка пооткрывала дверцы шкафчиков и заглянула в почти пустой холодильник, как будто там могли найтись следы родственников старой княгини.

Родион с собакой на руках стоял в большой комнате перед женским портретом, висящим над диваном.

— Что там? — спросила Тонечка.

— Какая-то старая картина, — отозвался Родион.

Тонечка взглянула — дама в глухом платье с камеей у шеи, волосы подняты вверх короной, тонкие руки сложены на какой-то книге.

...Неужели была такая жизнь? В которой женщины носили глухие платья и камеи, делали высокие прически и читали книги?..

И если была, куда она делась? Когда ее не стало?..

В революцию семнадцатого года? В войну? В шестидесятые?

На этажерке с шишечками были стопки старых журналов — «Юность» и «Работница», тяжелая, словно из чугуна, фигурка кенгуру, очень искусно сделанная, громадная «Книга о вкусной и здоровой пище» 1953 года издания.

Тонечка открыла наугад и прочла: «Коньяки (окончание). Коньяк пьют перед едой для возбуждения аппетита. Хорошая закуска к нему — кусочек балыка с лимоном или ломтик лимона с сахаром. Пьют коньяк из маленьких рюмок. Хорошо, если эти рюмки из тонкого стекла; через такое стекло виден золотисто-янтарный цвет коньяка. После обеда или ужина коньяк подается к черному кофе, к фруктам. Коньяк служит для лечебных целей, как тонизирующее средство. О целесообразной дозировке коньяка для больных и выздоравливающих следует посоветоваться с врачом».

И такая жизнь ведь тоже была! В которой коньяк пили для «возбуждения аппетита» и советовались с врачом о его тонизирующих свойствах!..

И от этой жизни тоже ничего не осталось — аппетит теперь принято заглушать, а не возбуждать, а с врачом вообще ни о чем нельзя посоветоваться — все медики брошены на борьбу с неизвестным вирусом, напавшим на человечество...

Ни записных книжек, ни бумажек, ни старых конвертов среди журналов не обнаружилось.

На самой верхней полке этажерки валялась раскрытыми страницами вниз какая-то уж совсем доисторическая книга — потертый кожаный переплет запылился медными замочками.

Тонечка посмотрела и ничего не поняла — написана книга была полууставом, как будто крошечные черные семечки сыпались из-под пера писца!..

Тонечка любила такие штуки. Ее собственный словарь «Живаго великорускаго языка» Даля был точной репринтной копией словаря, вышедшего при жизни самого Владимира Ивановича, автора!

— Родион, — сказала она, рассматривая сувенирную обложку с пряжками, — как ты думаешь, можно взять у Лидии Ивановны книгу? Я бы хоть название попробовала прочитать! Или неудобно?

— Нормально, — тут же отозвался мальчишка. — Она мне говорила, приходи ко мне, я тебе книжки интересные покажу. Старые люди почему-то любят книжки.

— Это точно, — пробормотала Тонечка.

— Я тоже люблю, — продолжал Родион. — Но только чтоб с приключениями. Чтоб море или другие галактики!

— Лучше бы ты «Войну и мир» прочел.

— Она здоровая больно.

— Как уютно она жила, — заметила Саша. — Все есть, все на местах. Вон цветы сухие в вазе!.. А на террасе кастрюля бульона. И кресло у окошка, сиди отдыхай, смотри на березы.

— Она на березы у ручья смотрела, — возразил Родион. — Они там лучше. И листья раньше распустились!

— Да я не об этом, — пробормотала Саша Шумакова.

В прихожей Тонечка обнаружила засунутый за раму овального зеркала клочок бумаги. Синей шариковой ручкой на нем было накорябано: «Валюша, среда, зайти».

Тонечка вытащила бумажку и рассмотрела — больше на ней не было ни слова.

— Какой сегодня день? — спросила она у Саши.

— Понедельник, — быстро сказала она. — Вчера я приехала, было воскресенье.

— Мы на этом карантине счет времени совсем потеряли. — Тонечка показала ей бумажку. — Больше ничего нет. Только какая-то Валюша.

— Пойдемте отсюда, — предложила Саша. — Ничего мы не найдем. Слушай, Тонь.

— М-м-м?

— Нужно бульон забрать. Пропадет. Бабка его сварила, вон на улицу выставила! Что же его теперь, вылить?

И они посмотрели друг на друга.

Уходили они с кастрюлей, книжкой и запиской. Родион держал на руках свою собаку и был задумчив. Саша растерянна, Тонечка грустна.

Мужу, когда тот позвонил, она не призналась, что ходила в дом старухи искать следы ее родственников. Она отлично понимала, что участковому влетит — он все перепутал, решил, что городское начальство печется о покойной старухе, а не о заезжей москвичке!..

— Ты бы позвонил Родиону, — попросила Тонечка. — Он беспокоится за тебя. Вдруг ты не справишься с мировой катастрофой, и вселенная погибнет.

— Это он так сказал?

— Я так сказала. Но он так думает.

— Позвоню, — пообещал Герман. — Я сегодня к нашим поеду, отвезу еду и книги. Твоя мать просила привезти книг, целый список составила.

— Ты только смотри не перезаражай их!..

— Я дальше террасы не пойду, — успокоил муж. — Пакеты оставляю, и мы посидим... на социально безопасном расстоянии!..

— Ужас, — сказала Тонечка.

— Ужас, — согласился Герман. — Жди меня, и я вернусь, Тоня! Скорее всего, в субботу. На самом деле хорошо, что вы уехали. В Тверской области все же безопасней.

— Хорошо, что в этом году у Родиона экзаменов нету. Десятый класс!

— И это тоже хорошо.

Они попрощались, и вскоре явилась Саша Шумаркова с объемным пакетом из коричневой крафтовой бумаги.

Кроме обещанных московского хлеба, масла и банки икры, в пакете оказались коробка зефира, банка первосортного чая, паштет и бутылка красного вина.

— Прямо раблезианство какое-то, — сказала Тонечка, оглядывая гостинцы. — Мы сейчас все твои деликатесы поедим, а ты с чем останешься? Опять в Москву поедешь? Пополнять запасы продовольствия?

Саша махнула рукой.

— Я одна, — сказала она беспечно. — Мне никаких особенных запасов не надо. А у тебя ребенок.

— Да ребенка этого паштетам и зефирами кормить — грех один! Не в коня корм.

— Он худой как шепка.

— Вот именно! А ест, как будто еду в чемодан укладывает.

Саша засмеялась.

— Вы давно здесь обитаете?

— Еще до карантина заехали. Наш папа страшный паникер. Он нас сразу спровадил, как только стали

показывать, что в Италии творится. Он сказал, что не сегодня завтра в Москве будет так же, и привез нас сюда. А потом уже карантин объявили. И он нам велит здесь сидеть и не высовываться.

— Правильно он велит. Мои друзья-врачи говорят, нужно пересидеть обязательно! Что от болезни все равно никто не застрахован, но лучше переболеть или до пика, или после.

— Да уж... — пробурчала Тонечка. — Кто бы мог подумать...

— На террасу пойдем или здесь?

— Холодно еще, на террасе замерзнем. Зато на воздухе.

— Так здесь или на террасу пойдем?!

— Пойдем, — решила Тонечка.

На столе стояла ее утренняя чашка с давно остывшим кофе. Тонечке показалось, что сегодняшнее утро было давным-давно, как в прошлой жизни.

...Про Москву и работу она тоже часто думала: все это осталось так далеко, что даже непонятно, было ли на самом деле, или ей просто показывали кино, в котором она играла главную роль.

Кино закончилось, и главная героиня оказалась в Дождеве Тверской области, в старом домике на берегу ручья с мальчишкой и крохотной смешной собачкой. Из магазинов только «Рублевочка», из развлечений только телевизор. Из одежды только джинсы, толстовки с капюшонами и вытянутыми рукавами и «позорный волк». Когда начинался дождь, приходилось подтаскивать к углу террасы длинную ржавую трубу, чтобы не заливало фундамент. Когда холодало, нужно было растапливать голландскую печь, таскать из сарая дрова, колоть щепки, складывать в печкином зеве «шалашиком», дуть, зажмуривая глаза от золы, чтоб разгорелось.

Да еще старая княгиня взяла и умерла сегодня утром прямо посередине соседского участка!..

— Ты ее хорошо знала? — спросила Саша Шумаркова, словно подслушав Тонечкины мысли.

— Совсем не знала, — призналась Тонечка. — Она через нас на ручей ходила. Во-он, видишь, в ту калитку? На скамейке там подолгу сидела. Родион ее рисовал, а я и не знала!

— Он хорошо рисует?

— Мне кажется — прекрасно, — объявила Тонечка. — Вот тебя нарисует, помотришь.

— Может, он и не собирается меня рисовать, откуда ты знаешь!

— Он рисует все, что ему нравится. — Тонечка улыбнулась соседке. — А ты ему понравилась, совершенно точно.

Саша вдруг смутилась, как будто Тонечка отпустила ей бог весть какой комплимент.

— А что у вас за собака? Дивное существо!

— Пражский крысарик, — отозвалась Тонечка из дома. Она составляла на поднос посуду. — Мы зимой взяли, и она от Родиона не отходит!.. Эти собаки с легендой, они спасли средневековую Прагу от чумы, перекусили всех чумных крыс! На самом деле, они настоящие собаки, несмотря на то что крохотные. Видела бы ты, как она Родиона охраняет! Когда я его ругаю, она прибегает, садится ему на ногу и тявкает на меня! Чтоб я не ругалась!.. Родион! — прокричала она в сторону лестницы. — Спускайся, мы чай собираемся пить! И покажи нам свои рисунки! Можешь?

Мальчишка явился минут через двадцать, не меньше.

— Моя бабушка, — возвестила Тонечка, — если кто опаздывал, к столу не допускала! Опоздавший всегда обедал в одиночестве на кухне.

— Это предрассудки, — заявила Саша.

— Вот, — сказал Родион и выложил на стол папку, из которой в разные стороны торчали рисунки. — Буська, иди ко мне, замерзнешь!..

Невесомое существо, как на крыльях, подлетело к Родиону, он подхватил его с пола и сунул за пазуху. Собака немедленно высунула морду, встопорщила уши и заулыбалась.

— Можно? — Саша потянула к себе папку.

Родион кивнул.

Тонечка щедро намазала на кусок белого хлеба масло и выложила паштет. Мальчик немедленно записал хлеб в рот, кажется, целиком.

— Слу-ушай, — протянула Саша с изумлением. — У тебя талант!

Родион довольно хрюкнул. Ни в какие свои таланты он не верил, рисовать — это так легко, нет ничего проще! — но любил, когда его хвалили.

— А вот это где? Воздушные шары над обрывом? Или ты придумал?

— В Нижнем Новгороде, — ответила за Родиона Тонечка. Ей тоже очень нравилось, когда Родиона хвалили. — Мы зимой там были. И собака наша оттуда.

— С ума сойти, — искренне сказала Саша. — Правда.

— А это уже здесь, — прокомментировал Родион, поедая второй бутерброд. — На ручье. Мостки почти сломались, но зато красиво.

— Очень!

— А это старая княгиня. Ее на самом деле Лидия Ивановна зовут, она мне сказала. Тоня, а ты точно уверена, что она умерла?

Тонечка молча кивнула. Подошла, стала у Саши за спиной и тоже стала смотреть.

Нарисовано было карандашами — Родион больше всего любил карандаши. От того, что цвета были не-

яркими, а штрихи отчетливыми, рисунок словно жил, дышал.

— Она еще сказала, раз я все время рисую, мне нужно учиться. А я сказал, что после школы в Суриковское буду поступать. А она сказала: правильно, это хорошее место, известное.

Саша отложила рисунок и вытащила другой. А потом третий.

Старуха чем-то была похожа на Анну Ахматову времен «Фонтанного дома» — тяжелое лицо, нос с горбинкой, морщины вдоль щек. И сидела она, положив согнутую в локте руку на спинку скамейки, тоже словно по-ахматовски.

— Только я все равно не понимаю, как это, — сказал Родион. — Она ведь не собиралась... а все равно умерла. Это же такое серьезное дело! И она, выходит, не подготовилась, что ли?..

Тонечка посмотрела на него. И Саша посмотрела на него.

Портреты старой княгини были разложены на столе, словно она присутствовала тоже, и Тонечку это смущало.

Еще что-то казалось странным, но она никак не могла сообразить.

— Должно быть, в молодости красавицей была, — заметила Саша. — Такое... благородное лицо.

— Она и сейчас красивая, — поддержал Родион. — Я обещал, что покажу, как у меня выходит, а она взяла и умерла.

Тонечка рассматривала рисунки.

На каждом старуха была разной — вот задумчивая, а вот печальная, а на следующем почти смеется, а вон словно удивлена. Родиону на самом деле нужно много и серьезно учиться, из него может выйти хороший художник!.. Неизменными на ри-

сунках были только одежды — короткий каракулевый тулупчик с вышитым сутажем воротником, длинное коричневое платье, тонкий белый платок паутинкой и камея у ворота.

Тонечка еще раз посмотрела.

А потом снова.

...Позвольте, сегодня утром мертвая старая княгиня была именно в этом коричневом платье, но никакой камеи на платье не было.

Тонечка переложила рисунки.

— Родька, у тебя еще есть? Лидия Ивановна?

— Наброски есть. Там в папке дальше.

Тонечка вынула все листы до одного.

— Какая прекрасная собака! — восхитилась рисунком Саша. — И выражение прямо настоящее, как у нее!

— Так я же ее и рисовал, — сказал Родион солидно и погладил прекрасную собаку по раскидистым ушам.

...Н-да. На всех набросках камея тоже присутствовала. Собственно, один из набросков и был этой самой камеей — обрамленный золотом овал, в овале три грации, летящие словно в морской пене или в облаках.

— Саша, — спросила Тонечка задумчиво, — когда мы были в доме Лидии Ивановны, тебе не попадалась... камея?

— Что? Какая камея?

Тонечка показала на рисунок.

— Нет, — сказала Саша уверенно, — не попадалась. А что?

— Она всегда ее носила, — сообщил Родион. — Я не знал, что это за штука, и спросил, а она сказала, что старинная! Украшение такое! Их специально вырезали из перламутровых раковин. Я ее тоже нарисовал, видишь?

— Да я-то вижу, — согласилась Тонечка. — На всех рисунках она есть, а на Лидии Ивановне ее сегодня не было. И в доме мы ее не видели.

— Может, она ее прятала? — предположила Саша и посмотрела на изображение трех граций в овале.

Тонечка вздохнула.

— Смотри. Я так себе представляю. Она с вечера плохо себя чувствовала. Ворочалась на диване, там подушки все сбиты. Не обедала, на столе ничего нет, кроме чистого блюдца, и посуда вся убрана. Должно быть, думала, что отпустит. Утром поняла, что не отпускает, а только хуже делается, и пошла к нам. Она наверняка даже не знала, что ты приехала, потому что весь вечер лежала и не видела ни тебя, ни машины, а шторы были задернуты. Ты же ближе! А к нам она не дошла, не успела. Когда ты ее нашла, одета она была точно так же, как всегда, — коричневое платье и платок-паутинка. Полушубок, наверное, не смогла надеть. Спрашивается, где камея?

— А... где камея?

— Пф-ф-ф! — фыркнула Тонечка. — Если бы Лидия Ивановна ее сняла, камея так и лежала бы на столике возле дивана. Там у нее такой столик с наборной крышкой, заметила?

— Нет, — призналась Саша.

— Она положила бы ее рядом с собой. Но там никакой камее не было. Куда она делась?

— Может, потерялась?

— Вчера? — уточнила Тонечка. — Или сегодня утром? Сто лет не терялась, а сегодня вдруг потерялась!

— Да, — словно оценив ситуацию, согласилась Саша. — Действительно странно.

Они помолчали. Родион громко прихлебывал чай из кружки и хрустел сухарем.

Тонечка сосредоточенно думала.

...Старая княгиня за два месяца, что они с Родионом здесь прожили, ни разу с ней не заговорила, ни разу ни о чем не спросила. Только молча кивала, когда Тонечка попадалась ей на улице, или смотрела из окна, как вчера, когда Тонечка делала перед ней книксены. Один раз они встретились в магазине «Рублевочка», и старуха поглядела на Тонечку, как все жители Дождева, — словно она сбежала из сумасшедшего дома прямо в маске и перчатках! До вчерашнего дня даже старухино имя было ей неизвестно, и все-таки она чувствовала, что должна что-то для нее сделать.

И пропавшая камья была совсем некстати, словно намекала на необъяснимые и трагические обстоятельства, при которых княгиня умерла!..

— Шторы, — вдруг сказала Тонечка. — Окна были задернуты шторами!

— В старухином доме? — спросила Саша. — Задернуты, точно.

— Она никогда не задергивала шторы, — продолжала Тонечка, волнуясь. — Я сто раз ходила мимо ее дома в сумерках! У нее горел свет, она сидела в кресле или на диване, вся комната просматривалась!..

— Точно, — подтвердил Родион. — Тонь, можно мне еще бутерброд? С сыром и с паштетом?

— С тем и другим сразу? — удивилась Саша, и Родион тоже удивился такой непонятливости.

— Не-ет, — протянул он. — Один с сыром, а другой с паштетом.

— В доме у старой княгини кто-то был вчера вечером, — заключила Тонечка. — Кто задернул занавески и забрал камью.

Саша и Родион уставились на нее.

— Должно быть, ты прав, — сказала Тонечка мальчишке. — Лидия Ивановна действительно не подго-

товилась к смерти. Она совершенно не собиралась умирать!..

— Но все равно ведь умерла!

— Я думаю, ее убили, — сказала Тонечка.

На лавочке перед крыльцом сидел человек в форме и орал на свой телефон:

— Стой, стой, зараза! Куда?! Туда нельзя! Давай сюда! Где этот ключ, мать его? Вот, вот, забирай! Да чтоб тебя!..

Тонечка и Саша подошли поближе. Человек в форме продолжал орать, а на них даже не взглянул.

— Как нам найти старшего лейтенанта Котейко? — спросила Тонечка.

— А у вас чего? Заявление или чего?

— Нам просто поговорить, — сказала Саша.

Человек в форме на них по-прежнему не смотрел.

— Да сейчас нету никого, — сказал он, энергично работая большими пальцами. Еще он двигался на лавочке так, словно уклонялся от ударов. — Все на усилении. Давай, давай, шевелись, твою мать! Если заявление подать, пишите, я приму.

— А когда он будет?

— Ах, зараза, сейчас слева нападут! Слева, кому сказал!

— Старший лейтенант когда будет?

— Да почему я знаю, на усилении все! Ну! Ну! Еще! Вмажь ему!

Тут человек застонал как подстреленный, начал валиться на бок, Тонечка ринулась, чтоб его поддержать, но Саша сзади схватила ее за полу «позорного волка».

— Опять! — чуть не плача, сказал человек. — Всякий раз на этом месте убивают, сволочи!

И посмотрел на Тонечку и Сашу.

Выражение лица у него изменилось — из страдальческого стало веселым.

— Эт самое, вы ко мне, что ли? Петрович, выдь на час! — крикнул он в сторону крыльца.

— Чего? — приглушенно спросили из-за распахнутой двери.

— Выдь, я тебе говорю!

— Как нам найти старшего лейтенанта Котейко? — настойчиво повторила Тонечка. — У него телефон не работает, а нам нужно с ним поговорить.

На крыльце показался пожилой пузатый мужик, тоже в форме и даже в фуражке.

— Че те, Ленька?

Ленька, только что чуть не павший смертью храбрых в собственном телефоне, подбородком показал на визитерш. И они оба всласть захохотали. У Петровича пузо ходило ходуном. Ленька весь взмок от смеха.

Тонечка с Сашей посмотрели друг на друга, а потом каждая оглядела себя, проверяя, все ли в порядке.

— От москвичи, — хохотал на крыльце Петрович. — От затейники!

— Ржа... ржа... ка, — проикал Ленька. — Эт самое, вы прям с Москвы в таком виде ехали?!

— А, — сообразила Тонечка, — не обращай внимания, это из-за маски и перчаток!

— Ага, — согласился Ленька, вытирая пот со лба. — Это ж надо такое удумать! Прям «Камеди клуб»!

Саша ни с того ни с сего вдруг рассердилась:

— А вы про пандемию ничего не слышали, мужики? Вирус, люди умирают?

— Больницы не справляются, — поддержала Тонечка.

Ленька махнул рукой:

— Да вранье все, да, Петрович?

— Как есть, — подтвердил тот с крыльца. — От вируса спирт хорошо помогает, тяпнул полтешок...

— А лучше соточку, — перебил Ленька.

— А лучше соточку, — продолжал Петрович. — И все вирусы как рукой снимет!..

— Блажен, кто верует, — пробормотала Саша.

— Нет, погляди на них, Петрович! Эт самое, давайте поселфимся, а? Петрович, выдь к нам!

— Когда Котейко будет? — строго спросила Тонечка.

— Да кто ж его!.. Все на усилении, сказано! А чего надо-то? Или у вас коробку с масками с... стибрили?

И снова захохотал от души.

— Ничего у нас не тибрили, а нам нужно повидать Котейко. У нас соседка умерла, он просил ему позвонить, если что. А телефон не отвечает.

— Дак они все в лесу, — удивился Ленька. — Дорогу конаковскую сторожат, чтоб не ездили по ней.

— Да они с Москвы, — сказал Петрович так, как будто говорил, что они из психбольницы. — Откуда им про конаковскую дорогу знать? Ну, пройдите, пройдите. Чего там у вас? Кто помер и когда?

Одна за другой Тонечка и Саша поднялись на узенькое крылечко с подгнившими балясинами. К перилам была прикручена ржавая консервная банка, полная окурков, у стены веник и совок. Вторая дверь, обитая выдавшим виды дерматином, тоже была распахнута настежь. С правой стороны решетка, а за ней канцелярский стол с открытым журналом и телефоном, с левой — несколько дверей и разномастные стулья. Сверху свисала лампочка без абажура.

Родион пришел бы в восторг, подумала Тонечка. И сказал бы, что здесь очень красиво.

— Вон в кабинете проходите, — пригласил пузатый Петрович. — Которая открыта. Стало быть, вы с Москвы, а здесь по какому делу?

Тонечка аккуратно присела на шаткий канцелярский стул возле стола. Второй стул оказался у двери, и Саша устроилась на нем. Петрович, пыхтя, пролез на начальственное место.

— Мы здесь живем, — начала Тонечка. — Временно. Меня зовут Антонина Герман, а это Саша Шумакова.

Толстяк посмотрел сначала на одну, а потом на другую, пырнул носом по-кабаны и пробормотал:

— Временно! Устроили там в своей Москве черт-те чего, и сюда все побегли как ошпаренные! Небось когда там у вас все медом намазано, так вы про нас и не вспоминаете, а как вирус, так сюда повалили, нас отравлять!

— Мы потому и в масках, — сказала Тонечка растерянно. — Чтоб не заразить никого.

— Да на одно место вам всем эти маски понадевать! — сердито продолжал Петрович. — Чтоб не выдумывали чего не надо и чтоб жили как люди! Ну, чего уставилась?! Я тут хозяин, в своем праве, ты ко мне пришла, а не я к тебе! Командовать в Москве своей будешь!

— Да не собираюсь я вами командовать!

— Понаехали. — Толстяк не в силах был сразу остановиться. — Масок понацепляли на рожи свои сытые да гладкие! А у нас преступность уличная по области втрое по сравнению с прошлым годом! Это как понимать? Это так надо понимать, что все ваши, московские, куролесят!

— Мы не куролесим, — сказала Саша. — И отчитывать нас не за что.

— А я считаю, что вас, москвичей, не отчитывать, а пороть нужно. По воскресеньям! И по телевизору показывать, как порют!..

— Спасибо вам большое за помощь. — Тонечка поднялась. — Саш, придется нам Вячеславу Ан-

дреевичу звонить. Может, хоть у него телефон работает!

— Какому еще Вячеславу Андреевичу?! — взревел толстяк.

— А мэру вашему, Селиверстову, — заявила Тонечка с интонацией «на-кася выкуси». — Пойдем, Саша.

— Стой, стой! — Толстяк испуганно привскочил со стула. — Ишь, шустрая какая! Чуть что, так сразу мэру звонить! Все вы, москвичи, заполошенные!

— А что вы на нас кидаетесь?!

— Да кто кидается, кто кидается!.. Уж и поговорить нельзя! У вас, у московских, никакого понимания нету! Шуток и тех не понимаете! Давай, давай, присаживайся обратно! И ты, подружка, присаживайся!

Все расселись, как сидели, — Саша у двери, Тонечка у стола, Петрович на хозяйском месте.

— Так чего у вас стряслось? — деловым и даже отчасти официальным тоном спросил толстяк. — Звать меня товарищ майор Мурзин Николай Петрович, а вы кто будете?

— Антонина Герман, — представилась Тонечка, которой уже было смешно.

Она легко перескакивала с одной эмоции на другую, как по камушкам прыгала. Ее муж, великий продюсер, иногда говорил, что с ней и поругаться как следует не получается, она отвлекается и быстро забывает, из-за чего собралась ругаться!

— Мы живем на Заречной улице. Наш дом номер три, Сашин, — она оглянулась, — номер два. А в первом жила Лидия Ивановна, фамилии я не знаю...

— Решетникова, — неожиданно сказал товарищ майор Мурзин Николай Петрович.

— Вы ее знаете?!

— Да это в Москве вашей никто никого не знает! А у нас все промеж собой знакомцы либо сродники! Вечная ей память, пусть земля пухом, как говорится...

— Николай Петрович... — Тонечка попыталась поправить за ухом проклятую маску. Резиновые пальцы перчаток путались и тянули волосы, зацепить маску за ухо никак не получалось.

А, провались она совсем, правда!..

Тонечка стянула маску и зажала ее в руке.

— Николай Петрович, — повторила она. — Участковый просил меня посмотреть в доме Лидии Ивановны, может, телефон найдется или какие-то адреса! Мы с Сашей посмотрели, но ничего не нашли.

— И чего?

— А... вы? — спросила Тонечка. — Если вы всех тут знаете! Может, и родственников ее тоже?

— Да она-то приезжая, — заявил товарищ майор. — Последних лет тридцать всего и живет здесь!

— Ох, ничего себе, — пробормотала Тонечка, — приезжая! Тридцать лет живет!

— Она, Лида, ни с кем не зналась. Сама по себе. По первости к ней наши бабы-то было разбежались, а она им от ворот поворот! Я, мол, к вам не лезу, и вам ко мне ходу нету.

— Так совсем одна и жила? — не поверила Тонечка. — И никто не приезжал?

— Зачем никто? — удивился Николай Петрович. — Племянница бывала пару раз, сын ейной племянницы тоже наезжал.

— Пару раз за тридцать лет? — уточнила Тонечка.

— Ну, мож, раз пять! — Николай Петрович ровнял на пустом столе три карандаша. — Я за ими не записывал, когда они приезжали, зачем! А чего вы всколыхнулись, бабы?.. Вам-то что за дело?

Тонечка и Саша, которых никогда в жизни никто не называл бабами, немного растерялись. Сашину растерянность Тонечка прямо почувствовала спиной.

— Ваш лейтенант Котейко попросил в доме посмотреть, нет ли телефона или каких-то адресов, чтобы сообщить родственникам, я же вам говорю!

— И чего?

— Телефона мы не нашли, — сказала Саша.

— И адресов тоже, — подхватила Тонечка. — Но нам показалось странным, что у Лидии Ивановны камея пропала, видимо, старинная. И шторы в доме все задернуты.

— И чего дальше? Ну, задернуты, ну и хорошо!

— Она никогда не задергивала, — твердо сказала Тонечка. — Вот сколько я здесь живу...

Тут Петрович опять захохотал так, что стол скрипнул и отъехал от его пуза.

— Да сколь ты тут живешь-то?! Пару месяцев? Ну, москвичи, ну, затейники! Куда ни придут, ни придут, сразу затею затеют!

Тонечка молча смотрела на него.

— Ну, задернула бабка штору, и чего теперь? А эту, как ты сказала...

— Камею.

— А ее сунула куда-то да и забыла! Или забрал кто!

— Кто забрал?

— А кто нашел покойницу, тот и забрал! Ты ведь мне намек даешь, что, мол, она не сама преставилась, а помог кто-то? Так?

Тонечка кивнула.

Николай Петрович посерьезнел.

— Ты нам тут воду не мути, — сказал он строго. — И без того синим пламенем горим с этим вашим карантином! Это ж надо такое удумать — всю державу

на карантин запереть! Все позакрывали, всюду замки повесили! Мужики от безделья перепились все, бабы по улицам с синяками ходят, ребяшня в хулиганизм подалась! — Он так и сказал «хулиганизм». — А вам, московским, все мало! Теперь, знамо дело, Лидушку прикончили!

— А если на самом деле прикончили? — тихо и упрямо спросила Тонечка.

Майор Мурзин Николай Петрович приподнялся со своего места, оперся ладонями-подушками о стол и перегнулся к посетительнице.

— А это уж наше дело, — тоже тихо проговорил он. — Москва нам тут не указ. Сказано, не мути воду. Ступайте, бабы, по домам. Или, ежели вам заняться нечем, за упокой души свечку поставьте, самое бабье дело!

— Как зовут племянницу Лидии Ивановны?

— Знать не знаю и не желаю.

— Где она живет? В Москве?

Тут Николай Петрович радостно осклабился и сложил из своих пальцев пухлую фигу.

— Во! Видала? Сами-то они с Москвы, а племянница с Твери ездила!

— Адрес у вас есть? Племянницы?

— Сроду не было. — Николай Петрович опять покабанил пырнул носом. — Сказано, не лезь не в свое дело! Не расхлебаешься потом с тобой!.. И... давайте двигайте отсюда! Время уж к обеду!

— Старшему лейтенанту Котейко скажите, что мы его искали, — угрюмо попросила Тонечка. — Пойдем, Саш.

— Это я уж расстараюсь, — пообещал Николай Петрович. — Это ж прям новость номер один, что вы его искали! Щас я прям за руль и до лесу, где у них пикет выставлен!

Тонечка и Саша одна за другой вышли на улицу и остановились у лавочки, на которой все играл с телефоном весельчак Ленька.

Он не обратил на них никакого внимания, они его больше не интересовали.

— Да уж, — сказала наконец Тонечка. — Никто тут нам помогать особенно не расположен.

— А ты все-таки думаешь, что нам нужна помощь?

— Нужно родственников найти, Саш, — Тонечка вздохнула. — Даже если я все придумала и Лидия Ивановна сама по себе умерла, как-то не по-людски выходит. Кто ее похоронит, где? А родственники, оказывается, есть.

— Да этот упырь и наврать мог, — заметила Саша.

— Зачем ему нам врать?

— Затем, что мы из Москвы, а он Москву ненавидит.

Они пошли по узкой улице под горку. Машины ездили редко, прохожих тоже почти не было. Но те, что попадались, непременно останавливались и подолгу смотрели им вслед. И водители притормаживали и тоже смотрели.

— Я нервничаю, — призналась Саша. — Все смотрят.

— Привыкнешь, — с философским видом Тонечка махнула рукой. — С Родионом хуже, на него тоже все смотрят, а он этого не любит. И маску снимает, и перчатки! Я стараюсь в магазин сама ходить, чтоб он лишний раз там не терся.

— Смотри, правда все закрыто.

Во всех домишках, уцелевших от стародавнего купеческого изобилия, в первых каменных этажах помещались лавки, лавчонки, салоны сотовой связи и парикмахерские «экономкласса». Все двери заперты, некоторые даже заложены поперечинами, на всех бе-

лели бумажки. Бумажки извещали, что «в связи с карантином» заведение не работает.

— ...И как жить? — спросила Тонечка саму себя. — Люди ведь как-то кормились, что-то делали, старались. А теперь что? Мой муж говорит, все производство встало, никто ничего не снимает, договоры распродаются так быстро, аж бухгалтерия не справляется! А у него тоже люди работают, а у них семьи, дети, кредиты...

— Кто у тебя муж? — поинтересовалась Саша.

На белые бумажки, извещавшие о закрытии, она старалась не смотреть.

Должно быть, во время войны женщины так же отворачивались от собственных окон, заклеенных крест-накрест газетными полосами.

— Продюсер, — сказала Тонечка. — Великий. Звать Александр Герман.

— Тот самый?..

— Наверное, тот, — согласилась Тонечка. — Он снимает фильмы, а я пишу сценарии. Это теперь никому не нужно.

— Ну, подожди, — Саша поправила проклятую маску. — Может, еще будет нужно.

— Хорошо бы. И надо бы, чтоб все до этого момента продержались! И мы, и артисты, и съемочные группы! А самое главное — зрители.

— Это точно, — пробормотала Саша.

— Вон там за складами дивной красоты церковь. Вдруг она открыта, мы бы правда свечку поставили! А нет, хоть снаружи посмотрим. Хочешь?

Саша немедленно выразила желание осмотреть церковь.

— А что тут за склады?

— В Дождеве мебельная фабрика, довольно солидная, — проинформировала Тонечка, чувствуя

себя старожилом. — Многие там работают. И еще стекольный завод, не такой, как в Гусь-Хрустальном, но тоже приличный. Настоящий советский хрусталь делает. Я тебе потом покажу бокалы! Сейчас все закрыто.

— А ты хорошие сценарии пишешь? — вдруг спросила Саша.

Тонечка искоса взглянула на нее. Теперь дорога поднималась в гору, идти было трудно.

— Мой муж говорит, хорошие, — сказала она осторожно. — Его бы воля, он бы меня заставил по сценарию в месяц писать, а я так не могу. Мне сначала нужно чуток подумать, потом еще немного, потом... Ну, вот «Дело штабс-капитана», например, я написала!

— Иди ты! — не поверила собеседница.

— Точно тебе говорю! А что такое?

— Я тебе потом скажу, — пообещала Саша. — Есть у меня одна идея... Не то чтоб идея, но... мысль. Мы обсудим, вдруг она тебе понравится.

...Они поднимались к церкви и разговаривали, как старые подруги, которым наконец-то удалось встретиться и даже пару дней побродить по приятным местам. Тонечка то и дело забывала, что познакомились они вчера, ничего друг о друге не знают и бродить вдвоем им... незачем.

У них есть только одно общее — покойная Лидия Ивановна, старая княгиня.

Тут Тонечка «перепрыгнула» совсем на другую мысль.

— Но ведь камешка пропала, — сказала она. — И Лидия Ивановна не могла ее потерять! То есть могла, конечно, но это уж совсем невероятное совпадение! Такое даже в сценарий нельзя вписать!

Саша остановилась.

— Тонечка, — выговорила она и неожиданно сняла маску, — ну ты же не думаешь, что камею на самом деле взяла я?..

— Н-не думаю, — призналась озадаченная Тонечка. — А что? Ты взяла?

— Нет, конечно!.. Просто упырь сказал, что камею мог утащить тот, кто нашел тело! А я не брала.

— Ну, конечно, нет, — успокоила Тонечка. — Что ты вдруг занервничала?

— Потому что я не брала.

— И я не брала, — уверила та. — И Родион не брал. — Тут она опять «перепрыгнула». — Я второй день уроки не проверяю, он наверняка ничего не делал вообще. Он у нас не учится категорически! Когда спрашиваешь почему, он или молчит, или разводит демагогию. А я ему говорю — проще за два часа все выучить, чем каждый день скандалить.

— Зато рисует гениально.

— Саш, мы не знаем, гениально он рисует или просто рисует, — сказала Тонечка с досадой. — Если гениально, все в порядке, он всю оставшуюся жизнь может ездить верхом на кривой козе, а поклонники будут восторгаться! А если нет? И придется работу искать, зарплату получать? А он до сей поры с ошибками пишет!

— Ну, знаешь, — подумав, проговорила Саша. — Человек с фамилией Герман не может быть дебилом!

Тонечка засмеялась и шумно выдохнула:

— У-уф! Почти пришли. Лестницы — враг панды, честное слово.

Белая, как меловая гора, тяжелая, как шлем тверича, широкая, как крепостная стена, церковь венчала собой горушку. Отсюда весь Дождев был как на ладони — узкие улочки, купеческие домики, покосившиеся заборы. За рекой Дождевкой тянулись сараи,